

CHRONOLOGY OF THE CREATION AND EARLY TEXTUAL HISTORY OF THE BABURNAMA

Askariy Madraimov

PhD, Associate Professor

Tashkent State University of Oriental Studies

askariy_madraimov@tsuos.uz

Tashkent, Uzbekistan

ABOUT ARTICLE

Key words: Baburnama, Zakhir ad-Din Muhammad Babur, source studies, Timurids, Baburid statehood, textual criticism, memoir literature, manuscript tradition, genre nature.

Received: 20.10.25

Accepted: 21.10.25

Published: 22.10.25

Abstract: This article reconstructs the history of the creation of the Baburnama and its significance for the source study of the Timurid state. The aim of the study is to determine the chronological framework and stages of the work's creation, identify the connections between the political circumstances of Babur's life and the nature of the narrative, and characterize its genre and early textual history. Using historical-genetic, historical-comparative, source-study, and historiographical methods, it is established that the Baburnama was composed over approximately thirty-five years and encompasses three thematic periods: Fergana, Kabul, and India. Differences in the methods of recording events are identified: early information is primarily reconstructed from memory, while from 1519 onward, the narrative takes on a more precise, diary-like quality. The synthetic genre nature of the work is demonstrated, combining features of autobiography, historical narrative, and state instruction. The early textual history of the work is traced, including its Persian translations and illustrated manuscripts. The obtained results allow us to differentiate the reliability of individual sections of the Baburnama when studying Timurid state institutions.

«BOBURNOMA»NING YARATILISH XRONOLOGIYASI VA ILK MATNIY TARIXI

Askariy Madraimov*PhD, Toshkent davlat sharqshunoslik universiteti dotsenti*askariy_madraimov@tsuos.uz*Toshkent, O'zbekiston*

MAQOLA HAQIDA

Kalit so'zlar: Boburnoma, Zahiriddin Muhammad Bobur, manbashunoslik, Temuriylar, Boburiylar davlatchiligi, matnshunoslik, memuar adabiyoti, qo'lyozma an'anasi, janriy xususiyat.

Annatatsiya: Maqola «Boburnoma»ning yaratilish tarixini rekonstruksiya qilish va uning Temuriylar davlatchiligini manbashunoslik nuqtayi nazaridan o'rganishdagi ahamiyatiga bag'ishlangan. Tadqiqotning maqsadi asarning yaratilishining xronologik doirasi va bosqichlarini aniqlash, Bobur hayotidagi siyosiy sharoitlar bilan bayon xarakteri o'rtasidagi bog'liqlikni ochib berish, shuningdek, uning janriy xususiyati va dastlabki matniy tarixini tavsiflashdan iborat. Tarixiy-genetik, tarixiy-qiyosiy, manbashunoslik va tarixshunoslik metodlari asosida «Boburnoma» qariyb o'ttiz besh yil davomida yaratilgani va uchta tematik davrni: Farg'ona, Kobul va Hindiston davrlarini qamrab olishi aniqlandi. Voqealarni qayd etish usullaridagi farqlar belgilandi: dastlabki ma'lumotlar asosan xotira asosida tiklangan bo'lsa, 1519-yildan boshlab bayon yanada aniq kundalik xarakterini kasb etadi. Asarning avtobiografiya, tarixiy bayon va davlat boshqaruviga oid pand-nasihat xususiyatlarini o'zida mujassam etgan sintetik janriy tabiati ko'rsatib berildi. Asarning dastlabki matniy tarixi, jumladan, fors tiliga tarjimalari va illyustratsiyalangan qo'lyozmalari izchil ko'rib chiqildi. Tadqiqot natijalari «Boburnoma»ning alohida qismlaridagi ma'lumotlarning ishonchliligini Temuriylar davlat institutlarini o'rganish jarayonida differensial baholash imkonini beradi.

ХРОНОЛОГИЯ СОЗДАНИЯ И РАННЯЯ ТЕКСТОВАЯ ИСТОРИЯ «БАБУР-НАМЕ»**Аскарый Мадраимов***PhD, доцент Ташкентского государственного**университета востоковедения*askariy_madraimov@tsuos.uz*Ташкент Узбекистан*

О СТАТЬЕ

Ключевые слова:	Бабу́р-наме, Захираддин Мухаммад Бабу́р, источниковедение,	Аннотация:	Статья посвящена реконструкции истории создания «Бабу́р-наме» и её значению для
------------------------	--	-------------------	---

государственность Бабуридов, источниковедческого изучения текстология, мемуарная литература, государственности Тимуридов. Цель рукописная традиция, жанровая природа. исследования заключается в определении хронологических рамок и этапов создания памятника, выявлении связи между политическими обстоятельствами жизни Бабура и характером повествования, а также характеристике его жанровой природы и ранней текстовой истории. На основе историко-генетического, историко-сравнительного, источниковедческого и историографического методов установлено, что «Бабур-наме» создавалась около тридцати пяти лет и включает три тематических периода: ферганский, кабульский и индийский. Выявлены различия в способах фиксации событий: ранние сведения преимущественно восстановлены по памяти, тогда как с 1519 года повествование приобретает более точный дневниковый характер. Показана синтетическая жанровая природа памятника, сочетающего черты автобиографии, исторического повествования и государственного наставления. Прослежена ранняя текстовая история произведения, включая его персидские переводы и иллюстрированные рукописи. Полученные результаты позволяют дифференцированно оценивать достоверность отдельных разделов «Бабур-наме» при изучении государственных институтов Тимуридов.

Введение. «Бабур-наме», редкий для средневековой мусульманской литературы случай, когда личные воспоминания правителя соединяются с реальными фактами о том, как изнутри работала тимуридская власть. Прежде чем опираться на слова Бабура о раздаче уделов, о переговорах с эмирами или о суюргальном управлении, историк должен сначала выяснить, писал ли автор эту страницу сразу по горячим следам событий или восстанавливал её спустя годы, полагаясь на память, от этого зависит, насколько можно доверять самому сообщаемому факту.

Актуальность темы усиливается тем, что «Бабур-наме» остаётся одним из наиболее востребованных источников по политической истории Мавераннахра, Афганистана и Северной Индии рубежа XV-XVI веков, при этом исследователи нередко обращаются к его разным разделам как к равноценным по достоверности свидетельствам, хотя сам текст

обнаруживает выраженную внутреннюю неоднородность. Автор лишь однажды объясняет мотивов и обстоятельств написания книги, а условия её создания принципиально отличаются от условий типичной придворной хроники, писавшейся по заказу правителя специально назначенным летописцем: перед нами личное переживание государя, развивавшееся параллельно его переменчивой политической судьбе.

Изученность вопроса неравномерна. Переводческая и комментаторская традиция, это издания А.С. Беверидж, М.А. Салье, У.М. Текстона, а также монографические работы о государственной деятельности Бабура разработали содержательную сторону памятника достаточно основательно. Собственно текстологический вопрос о том, как складывался сам текст, долгое время оставался на периферии исследовательского внимания, где попытку восполнить этот пробел предпринял Н. Отажонов, показавший на основе внутритекстовых признаков, что прежде всего появления точных указаний дня недели и времени суток начиная с 1519 года, разные части мемуаров создавались разными способами. Разрыв между содержательным использованием «Бабур-наме» и его источниковедческой критикой как формирующегося текста и составляет проблему, которой посвящена настоящая статья.

Цель работы – воссоздать историю создания «Бабур-наме» и определить, как эта история должна учитываться при обращении к памятнику как источнику по государственности Тимуридов. Из цели вытекают основные задачи, во первых установить хронологические рамки и этапы работы Бабура над текстом, во вторых показать зависимость характера повествования от политических обстоятельств автора, в третьих охарактеризовать авторский замысел и жанровую природу произведения, и в четвертых проследить раннюю судьбу текста и его первые редакции. Научная новизна состоит в том, что перечисленные аспекты впервые рассматриваются не порознь, а как взаимосвязанные грани одной источниковедческой задачи, дифференциации доказательного веса разных частей «Бабур-наме» применительно к изучению тимуридских институтов власти.

Источниковую базу составляет прежде всего сам текст «Бабур-наме» – в переводе М.А. Салье под общей редакцией С.А. Азимджановой и в переводе У.М. Текстона, «Тарих-и Рашиди» Мухаммад Хайдара Дуглата, «Тузук-и Джахангири» в переводе А. Роджерса, монография Н. Отажоннова, исследования С.А. Азимджановой и С.Ф. Дейла, статья Дж. Э. Вудса и работа Абд. Мадраимова и Аск. Мадраимова.

Методологически работа опирается на сочетание историко-генетического метода, для восстановления последовательности создания памятника как процесса, растянутого во времени и менявшегося вместе с политической биографией автора, и историко-

сравнительного метода, применённого к сопоставлению трёх условных периодов «Бабур-наме» между собой. Источниковедческий и текстологический инструментарий используется при оценке достоверности отдельных разделов в зависимости от способа их создания и при рассмотрении рукописной традиции памятника, а историографический метод, при определении места настоящей работы среди уже существующих исследований. Материал результативной части статьи организован по проблемно-хронологическому принципу – от хронологических рамок текста к его внутренней неоднородности, далее к жанру и, наконец, к ранней рецепции.

Говоря об историографии «Бабур-наме» ситуация такова, что отдельные грани темы разработаны заметно лучше других. Рукописную основу всей последующей текстологии заложила А.С. Беверидж, подготовившая в 1905 году факсимильное издание «Бабур-наме» по Хайдарабадскому списку – наиболее полному и, по позднейшей оценке С.А. Азимджановой, текстологически надёжному из сохранившихся, собственно процесс создания текста в её задачи не входил. С.А. Азимджанова в монографии «Государство Бабура в Кабуле и в Индии» (1977) обращается к памятнику прежде всего как к источнику по институциональной истории Бабуридов, но попутно уточняет датировку и происхождение Хайдарабадского списка, вопрос о создании текста при жизни Бабура остаётся за пределами её работы. В.М. Текстон в предисловии к своему переводу называет «Бабур-наме» «первой – и вплоть до сравнительно недавнего времени единственной – подлинной автобиографией в исламской литературе», это утверждение точно фиксирует уникальность памятника, но оставляет открытым вопрос о его внутренней неоднородности. С.Ф. Дейл в биографии «The Garden of the Eight Paradises» рассматривает сочинения Бабура как материал для реконструкции его культурной идентичности, однако собственно текстологический вопрос предметом его анализа не становится. Дж.Э. Вудс в статье «The Rise of Tīmūrid Historiography» показывает, что заказное придворное летописание было при тимуридском дворе устойчивой нормой, и на этом фоне отсутствие у Бабура штатного историографа, о котором прямо пишет Мухаммад Хайдар Дуглат, выглядит осознанным или вынужденным отступлением от традиции. Ближе всего к проблематике статьи стоит монография Н. Отажонова «Bobur and “Boburnoma”» опираясь на внутритекстовые приметы повествования прежде всего на то, что с определённого момента Бабур начинает фиксировать не только событие, но и день недели и час его происшествия, он заключает, что ранние и поздние части текста создавались принципиально разными способами, и первым связывает зафиксированные в памятнике хронологические пропуски с вероятной физической утратой листов рукописи, а

не с сознательным умолчанием автора. Именно наблюдения Н. Отажонова служат для настоящей статьи главной опорой, а работа Абд. Мадраимова и Аск. Мадраимова дополняют эту картину материалом об иллюстрированных рукописях «Бабур-наме», созданных при дворе Акбарашаха. В целом отдельные аспекты темы, рукописная традиция, жанр, культурная рецепция, изучены достаточно основательно, но порознь. Наименее разработан вопрос о том, как их совокупность должна учитываться при практическом источниковедческом использовании текста применительно к тимуридской государственности.

Первое, что задаёт рамку для дальнейшего анализа, это статус самой авторской задумки Бабура. Он нигде прямо не объясняет, когда и почему взялся за перо, и это умолчание принципиально отличает его книгу от типичной для средневекового Востока придворной хроники. Прямое подтверждение тому находится не в самом «Бабур-наме», а у современника и родственника автора Мухаммад Хайдар Дуглат в «Тарих-и Рашиди» где прямо указывается, что при дворе Бабура должности придворного историографа не существовало. Отсюда следует немаловажный методологический вывод, что текст создавался не как заказная летопись, подчинённая институциональным условностям, а как личное, никем не регламентированное дело самого правителя, это обстоятельство, которое, если сопоставить его с наблюдением Дж.Э. Вудса об устойчивости практики придворного летописания у Тимуридов, позволяет точнее оценить меру уникальности памятника. Косвенно о самом процессе письма свидетельствует и дочь Бабура Гульбадан-бегим, в «Хумаюн-наме» она упоминает верхнее помещение над площадкой для игры в чавган в индийском городе Сикри, где отец уединялся для работы над книгой, деталь бытовая, но она подтверждает, что работа велась постепенно, а не была единовременной поздней реконструкцией.

Куда важнее для источниковедческой критики, это неоднородность текста по способу его создания. Как показал Н. Отажонов, страницы, относящиеся к событиям до 1509 года, судя по всему, восстановлены по памяти, тогда как более поздние разделы вёл в режиме, близком к дневниковому, рубежом стал 1519 год, начиная с которого в повествовании закрепляется привычка отмечать день недели и даже час происходящего, это примета, которой нет в начальных разделах. Разница здесь не стилистическая, а источниковедческая, по существу свидетельство очевидца и позднейшая реконструкция по памяти обладают разным доказательным весом, и сведения «Бабур-наме» о конкретных механизмах тимуридской власти, где распределении уделов, переговорах с эмирами,

военной мобилизации, должны оцениваться исследователем именно с учётом того, к какому хронологическому пласту текста они относятся.

К традиционному делению памятника на три периода стоит, впрочем, подходить с осторожностью. По наблюдению Н. Отажонova, опирающегося на мнение переводчиков «Бабур-наме» В. Эрскина, П. де Куртея и других, в тексте отсутствуют разделы, относящиеся к 915/1509-924/1519 и 927/1520-931/1524 годам, и эти пропуски, по всей вероятности, объясняются не умолчанием автора, а утратой листов рукописи при её последующей передаче, тем более что уже сыновья и внуки Бабура относились к книге как к семейной и государственной реликвии. Иначе говоря, «ферганский», «кабульский» и «хиндустанский» текст – это условные тематические блоки, а не строго сохранившиеся рукописные слои.

Наряду с этим текстологическим объяснением в историографии предлагается и содержательное: один из пропусков 915/1509-924/1519 годов по времени совпадает с эпизодом, плохо согласующимся с образом суннитского государя-гази, который Бабур последовательно выстраивает на протяжении остального текста. Речь идёт о вассальной зависимости Бабура от шиитского шаха Исмаила I Сефевиды в 1511-1512 годах. Получив от сефевидских войск военную помощь для третьего похода на Самарканд, Бабур на время признал сюзеренитет шаха, что выразилось в чеканке монеты и произнесении хутбы с его именем. Ход и исход этого союза, от занятия Самарканда до его разрыва под Гиждуваном в конце 1512 года восстанавливается исследователями по независимым от «Бабур-наме» параллельным источникам, прежде всего по «Хабиб ас-сияр» Хондемира. Показательно, что даже обычно словоохотливый Хондемир, дойдя до этих событий, становится необычно немногословен, а сам Бабур обходит период молчанием вовсе. Совпадение эпизода вассалитета именно с лакуной рукописи заставляет предположить, что перед нами не только следствие механической утраты листов, но и, возможно, результат отбора материала самим автором или позднейшими переписчиками, этот вопрос у Н. Отажонova обозначен, но не решён окончательно и требует специальной проверки.

При всей условности такого деления три тематических блока «Бабур-наме» хорошо различимы и содержательно, и стилистически, причём каждый обладает собственной ценностью для истории тимуридской государственности. Мемуары открываются указанием на то, что автор стал государем Ферганы на двенадцатом году жизни, в месяце рамазане 899 года хиджры (9 июня 1494 года), на следующий день после гибели отца, Умар Шейха Мирзы. Ранние записи хроникальны, перед нами фиксация текущих событий, военных кампаний, дипломатических контактов, придворных интриг, без той

личной аналитики, которая появится позднее. Молодой правитель находился в крайне уязвимом положении, на ферганский удел претендовали многочисленные родственники, военная аристократия была ненадёжна, Шейбани-хан представлял постоянную угрозу, а Самарканд Бабур дважды брал и терял в 1497 и в 1500-1501 годах. Именно здесь Бабур впервые систематически описывает механизмы тимуридской государственности, распределение уделов, переговоры с эмирами, военную мобилизацию, причём делает это изнутри, как непосредственный участник событий.

После занятия Кабула в 1504 году политическая обстановка стабилизировалась, и вместе с ней изменился темп повествования, хронику военных кампаний сменяют пространные описания природы, административного устройства страны, этнографические наблюдения о народах Центральной Азии и Афганистана. Перемена не случайна, так как решая в Кабуле задачу государственного строительства с нуля, Бабур должен был заново понять страну, которой правил, и потому кабульские разделы «Бабур-наме» читаются одновременно как литературный текст и как своего рода административный реестр, где перечень вилайетов и их доходов, состав племён и их военных обязательств, порядок назначения наместников, это материал, информативный прежде всего для изучения суюргального управления в позднетимуридский период.

Победа при Панипате в апреле 1526 года и завоевание Северной Индии открывают последний, индийский период работы над книгой. Эти разделы отличает повышенная аналитичность, описывая новые для себя реалии, Бабур систематически сравнивает их с центральноазиатским опытом государственного управления, административными традициями, составом элит, налогообложением, и такие сопоставления позволяют увидеть, какие элементы тимуридской модели власти он считал универсальными, а какие специфически центральноазиатскими. Индийский период текста, содержит не только описание новой для автора страны, но и сравнительно-историческую рефлексию над самой природой тимуридской государственности.

Понимание авторского замысла невозможно без вопроса о жанровой природе произведения, и здесь в историографии сложились две дополняющие друг друга позиции. В.М. Текстон называет «Бабур-наме» «первой – и вплоть до сравнительно недавнего времени единственной, подлинной автобиографией в исламской литературе», это определение, фиксирующее уникальность памятника в контексте средневековой мусульманской словесности, но описывающее скорее его историческое место, чем внутреннее устройство. Более детальную картину в свою очередь даёт Н. Отажонов, показывающий, что текст сочетает признаки исторического сочинения и художественной

прозы, с выраженным сюжетным началом, портретами исторических лиц и психологической мотивировкой их поступков. Сопоставление этих позиций подводит к выводу, который в настоящей статье рассматривается как один из главных результатов: «Бабур-наме», это не стихийная запись пережитого и не мемуары в узком жанровом смысле, а выстроенный автором нарратив, в котором личное свидетельство сочетается с политическим обоснованием властных притязаний и государственным наставлением для преемников. Практически это означает, что рядом почти с любым фактом в тексте присутствует его авторская интерпретация, подчинённая определённой политической и репутационной задаче, и прямолинейное чтение памятника как простой хроники методологически неоправданно.

Языковой выбор Бабура, самостоятельное свидетельство его культурно-политической позиции. «Бабур-наме» написано на классическом узбекском литературном (чагатайском) языке, это литературном языке среднеазиатских тюрков, сложившемся под влиянием Алишера Навои, и этот выбор правителя, в совершенстве владевшего персидским и покровительствовавшего персидской поэзии, нельзя свести к языковым предпочтениям. Сам Бабур с гордостью писал, что жители его родного Андижана все как один говорят по-тюркски и что сочинения Алишер бека (Навои) находят в тюркоязычной среде живой отклик. Наблюдение С.Ф. Дейла о продуктивности анализа сочинений Бабура как материала для реконструкции его культурной идентичности подтверждается здесь напрямую, языковой выбор оказывается решением содержательным, а не техническим.

При этом персидские поэтические вставки занимают в тексте особое место. Рассказывая о походе на хазарейцев, когда он сначала хотел казнить пленных мятежников, но, тронутый заступничеством Касим-бека, помиловал их, Бабур вплетает в повествование строки Саади:

«Соленая земля не принесет гиацинта,
Не губи в ней напрасно семена надежды.
Делать хорошее дурным людям – то же самое,
Что поступать дурно с хорошими людьми» .

Встречается и стихи Хафиза в более лёгком регистре, вспоминая кабульский сад Кул-Гина, памятный давними кутежами, Бабур слегка переиначивает его строки:

«Хорошее было время, когда мы несколько дней, без головы и без ног,
Жили в Кул-Гина, среди распутников!» .

В обоих случаях поэтическая цитата берёт на себя работу, недоступную голой констатации факта, она переводит частный эпизод в план общего суждения о

человеческой природе, и поэтому в источниковедческом анализе слой факта и слой авторского комментария, оформленного через цитату, необходимо различать, так как их смешение приведёт к неверной оценке буквальности того или иного пассажа.

История использования «Бабур-наме» неотделима от судьбы государства Бабуридов. Уже при жизни автора отдельные разделы читались при дворе вслух, а после его смерти в декабре 1530 года заботу о сохранении и распространении текста взяли на себя преемники. Шайх Зайн Хавафи, соратник и садр Бабура, перевёл на персидский часть книги о завоевании Индии и на этой основе написал собственное сочинение «Табакат-и Бабури». Принц Султан Салим переписал с чернового автографа четыре джуза текста, сохранившихся лишь в черновике автора, и присоединил их к основному своду, Г. Бевериж, редактор «Тузук-и Джахангири», полагал, что эти материалы соответствуют приложению к казанскому изданию 1857 года, известному как «Ба'зи Та'алукотлар» («Некоторые сведения»), хотя это наблюдение, судя по имеющимся данным, осталось малозамеченным в специальной литературе.

С судьбой автографа в руках Султан Салима связан и второй, полный персидский перевод памятника. Духовный наставник принца Бехруз-хан Наврангхан поручил перевод Мирзе Паянде Хасану Газнави, а затем Мухаммаду Кули Хисари и представил его в 1586 году императору Акбару, оставшемуся недовольным качеством работы. После этого Акбар распорядился о новом переводе, и из нескольких предпринятых попыток признание современников получил перевод Абд ар-Рахим-хана, сына Байрам-хана, завершённый в ноябре 1589 года – в год паломничества Акбара в Кабул к гробнице Бабура. Совпадение этих дат едва ли случайно, оно указывает, что работа над текстом воспринималась при дворе Акбара не как рядовое филологическое предприятие, а как часть более широкой практики династической легитимации через почитание предка. Показательно и то, что первоначальное название памятника, по мнению ряда специалистов, неизвестно – в источниках он именовался по-разному: «Вокеанома», «Тузук-и Бабури», «Вокаи Бабури», «Таворих-и Бабур», – и лишь позднее закрепилось нынешнее «Бабур-наме», переключка варианта «Тузук-и Бабури» с «Тузука-и Тимури» («Уложением Тимура») показывает, что современники и ближайшие потомки Бабура воспринимали книгу не только как личные воспоминания, а в категории государственного уложения, это наблюдение, прямо подтверждающее сделанный выше вывод о синтетической природе жанра.

Персидский перевод открыл памятник персоязычной аудитории за пределами государства Бабуридов, а параллельно с переводческой традицией развивалась и традиция иллюстрирования. Рукописи «Бабур-наме», созданные в мастерских Акбара в конце XVI

века, самостоятельный культурный феномен ранней редакции. Как показали Абд. Мадраимов и Аск. Мадраимов, отбор сюжетов для миниатюр определялся содержанием текста, эстетическими вкусами эпохи и требованиями заказчика; показательный тому пример – миниатюра «Объявление Бабура правителем Ферганы», сцена провозглашения двенадцатилетнего государя решена с придворным великолепием, явно избыточным для скромных условий Ферганы 1494 года и куда более уместным для эпохи самого заказчика, художники, по сути, перенесли в изображение прошлого этикет собственного, современного им двора. Иллюстрированные списки «Бабур-наме» самостоятельный исторический источник, но по преимуществу не о тимуридской государственной практике как таковой, а о том, как её представляли при дворе Акбара полвека спустя, это разграничение, необходимое, чтобы не использовать иконографию как прямое свидетельство о тимуридской эпохе.

Наконец, важна судьба Хайдарабадского списка, наиболее полной и текстологически достоверной из сохранившихся рукописей. С.А. Азимджанова относит его к эпохе Аурангзеба (1658-1707) и датирует его окончательное сложение примерно 1700 годом, именно на этой рукописи основано факсимильное издание, подготовленное А.С. Беверидж в 1905 году и ставшее фундаментом всей последующей текстологии памятника. Сам факт многократного копирования текста при бабуридском дворе на протяжении почти двух столетий после кончины Бабура работает, скорее, в пользу доверия к дошедшей до нас версии. Конечно нужно понимать, что неизбежных для ручного копирования ошибок основной массив содержания, по имеющимся данным, сохранился без существенных потерь, это вывод, согласующийся и с общим наблюдением Дж.Э. Вудса об устойчивости тимуридской традиции бережного отношения к письменному историческому наследию «Бабур-наме», возникнув как исключение из нормы придворного историописания, оказалось впоследствии вписано в ту же традицию заботы о письменном наследии династии.

Проведённый анализ истории создания «Бабур-наме» позволяет сформулировать несколько выводов для дальнейшего использования памятника как источника по государственности Тимуридов.

Во-первых, книга создавалась на протяжении около тридцати пяти лет (1494–1529) и прошла три периода: ферганский, кабульский и хиндустанский, каждый со своими условиями создания и характером повествования, при том что сама периодизация тематическая, а не строго рукописно-хронологическая: часть разделов физически утрачена. Отсюда вытекает необходимость дифференцированного подхода к разным

частям текста, прежде всего с учётом водораздела между разделами, восстановленными по памяти (события до 1509 года), и разделами, которые велись параллельно событиям начиная с 1519 года.

Во-вторых, жанр памятника гибриден: перед нами одновременно мемуары, историческое повествование и отчасти наставление правителю-преемнику. Официальные хроники, как правило, показывают государственные институты в идеализированном, нормативном облике; «Бабур-наме», напротив, фиксирует их реальную, нередко сбойную работу, в этом его особая источниковедческая ценность, требующая, впрочем, учитывать и слой авторской интерпретации.

В-третьих, выбор классического узбекского литературного языка для мемуаров, это посути культурно-политический жест, отражающий тюркскую идентичность Бабура и его связь с тимуридской государственной традицией, тогда как персидские поэтические вставки, прежде всего из Саади, несут самостоятельную источниковедческую информацию о характере авторской рефлексии.

В-четвёртых, ранняя редакция текста при бабуридском дворе, персидский перевод, иллюстрированные рукописи с продуманным отбором сюжетов, систематическое переписывание на протяжении полутора столетий, показывает нам, что уже в XVI-XVII веках памятник воспринимался как источник государственной мудрости, по функции близкий с «Уложением Тимура».

Наконец, дифференцированный источниковедческий подход к «Бабур-наме», предложенный в статье, не ставит под сомнение ценность памятника для изучения тимуридской государственности, но требует всякий раз соотносить конкретное сообщение текста с тем, к какому хронологическому пласту, тематическому периоду и жанровому регистру оно принадлежит.

Список использованной литературы:

1. Азимджанова С. А. Государство Бабура в Кабуле и в Индии. – М.: Наука, 1977.
2. Бабур Захириддин Мухаммад. Бабур-наме: Записки Бабура / пер. М. А. Салье; общ. ред. и дораб. С. А. Азимджановой. – Изд. 2-е, дораб. – Ташкент: Главная редакция энциклопедий, 1993.
3. Dale S. F. The Garden of the Eight Paradises: Bābur and the Culture of Empire in Central Asia, Afghanistan and India (1483-1530). – Leiden; Boston: Brill, 2004.
4. Мадраимов А. Бобурноманинг форс тилидаги қўлёзма нусхалари // Ўзбек тили ва адабиёти. – 1974. – № 1. – С. 58.

5. Мадраимов Абд., Мадраимов Аск. Художественный мир Бабура. Миниатюрная традиция XVI-XVII веков. – METODIST NASHRIYOTI, 2025.
6. Мирза Мухаммад Хайдар Дуглат. Тарих-и Рашиди / пер. с перс. А. Урунбаевой, Р. П. Джалиловой, Л. М. Епифановой. – Ташкент: Фан, 1996.
7. Otajonov N. Bobur and «Boburnoma»: Monography. – Warsaw: iScience Sp. z o.o., 2023.
8. Thackston W. M. (transl.). The Baburnama: Memoirs of Babur, Prince and Emperor. – Washington; New York: Arthur M. Sackler Gallery / Oxford University Press, 1996.
9. The Tuzuk-i Jahangiri (Memoirs of Jahangir) / A. Rogers (transl.). – Lahore: Sang-e-Meel Publications, 2015. – Vol. I–II.
10. Tuzak-i Babari: The Autobiography of Babar / H. M. Elliot, J. Dowson (eds. & transl.). – Lahore: Sang-e-Meel Publications, 2006.
11. Woods J. E. The Rise of Tīmūrid Historiography // Journal of Near Eastern Studies. – 1987. – Vol. 46, № 2. – P. 81-108.